

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Этнокультурные и pragматические особенности китайского сленга

А.В. Игнатенко✉, А.В. Корягин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

✉ ignatenko_av@pfur.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Работа предлагает анализ китайского молодежного сленга через призму этнокультурной обусловленности, интегрируя социолингвистический и лингвокультурологический подходы, выявляются механизмы адаптации глобальных трендов к локальным культурным контекстам. **Цель.** Выявить взаимосвязь культурных традиций, социально-культурных изменений и языковых особенностей китайского молодежного сленга. **Гипотеза.** Китайский молодежный сленг представляет уникальное социокультурное явление, в котором традиционные конфуцианские ценности переплетаются с современными цифровыми практиками. **Методы и материалы.** В исследовании использовались три основных источника: микроблоговая платформа Weibo, видеохостинг Douyin (аналог TikTok) и молодежные форумы (Tieba, Douban). Для сбора информации были выбраны тематические сообщества («супер-топики»), связанные с актуальными молодежными трендами: #躺平 (tǎngpíng – «лежать пластом»), #内卷 (nèijiūǎn – «гиперконкуренция»), #00 后 (поколение Z). Через API платформы за период 2021–2023 гг. было собрано и проанализировано 2000 постов, отфильтрованных по критериям частотности (минимум 50 упоминаний в месяц) и контекстуальной насыщенности. **Результаты.** Исследование выявило три ключевых тенденции: 1) социально-критическое использование сленга; 2) креативная адаптация языковых форм и 3) региональная дифференциация, которая подчеркивает плюрализм языкового ландшафта. **Выводы.** Китайский сленг служит индикатором социокультурных трансформаций, сочетая критику с поиском новых этических моделей.

Ключевые слова: китайский язык, сленг, молодежный дискурс, этнокультурная специфика

Игнатенко А.В., Корягин А.В. (2025)
Этнокультурные и прагматические особенности
китайского сленга
Язык и текст, 12(4), 36—48.

Ignatenko A.V., Koryagin A.V. (2025)
Ethnocultural and pragmatic features of Chinese
slang
Language and Text, 12(4), 36—48.

Для цитирования: Игнатенко, А.В., Корягин, А.В. (2025). Этнокультурные и прагматические особенности китайского сленга. *Язык и текст*, 12(4), 36—48.
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120403>

Ethnocultural and pragmatic features of Chinese slang

A.V. Ignatenko✉, A.V. Koryagin
RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉ ignatenko_av@pfur.ru

Abstract

Context and relevance. The work offers an analysis of Chinese youth slang through the prism of ethnocultural conditioning, integrating sociolinguistic and linguocultural approaches, identifying mechanisms for adapting global trends to local cultural contexts. **Objective.** To identify the interrelation of cultural traditions, socio-cultural changes and linguistic features of Chinese youth slang. **Hypothesis.** Chinese youth slang is a unique socio-cultural phenomenon in which traditional Confucian values are intertwined with modern digital practices. **Methods and materials.** The study used three main sources: the Weibo microblogging platform, Douyin video hosting (an analogue of TikTok) and youth forums (Tieba, Douban). Thematic communities (“super-topics”) related to current youth trends were selected to collect information: #躺平 (tǎngpíng – “lying flat”), #内卷 (nèijuǎn – “hypercompetition”), #00 后 (generation Z). Over the period 2021–2023, 2 000 posts were collected and analyzed through the platform’s API, filtered by frequency criteria (at least 50 mentions per month) and contextual saturation. **Results.** The study identified three key trends: 1) socio-critical use of slang; 2) creative adaptation of language forms; and 3) regional differentiation, which emphasizes the pluralism of the linguistic landscape. **Conclusions.** Chinese slang serves as an indicator of sociocultural transformations, combining criticism with the search for new ethical models.

Keywords: Chinese language, slang, youth discourse, ethnocultural specifics

For citation: Ignatenko, A.V., Koryagin, A.V. (2025). Ethnocultural and pragmatic features of Chinese slang. *Language and Text*, 12(4), 36—48. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120403>

Введение

Данная работа посвящена китайскому молодежному сленгу как отражению социокультурных и этнонациональных особенностей в эпоху цифровизации. Актуальность исследования обусловлена тем, что молодежный сленг как динамичный пласт языка, служит индикатором изменений в общественном сознании и инструментом формирования субкультурной идентичности. В эпоху гиперконкуренции и кризиса традиционных ценностей, таких как конфуцианская трудовая этика, сленг становится маркером новых социальных практик. Его роль усиливается в цифровом пространстве, где китайские платформы вроде *Douyin* и *Bilibili* создают альтернативные коммуникативные среды, требующие лингвистического анализа. Кроме того, гибридные формы языка, возникающие

под влиянием одновременно разнонаправленных процессов экономической глобализации и культурной деглобализации, подчеркивают необходимость исследования культурной специфики сленговых единиц (Калинин, Игнатенко, Сизова, 2024, с. 384). Китайский молодежный сленг активно исследуется в рамках китайской социолингвистики, однако в российской науке эта тема остается малоизученной. Отечественные работы сосредоточены на структурных аспектах, тогда как этнокультурные и прагматические функции сленга требуют дальнейшего анализа. В связи с этим, цель исследования – выявить взаимосвязь культурных традиций, социально-культурных изменений и языковых особенностей китайского молодежного сленга.

Теоретико-методологические аспекты изучения китайского молодежного сленга

Исследование китайского молодежного сленга в аспекте этнокультурной детерминации рассматривается в научных работах, охватывающих социолингвистику, культурную антропологию и дискурс-анализ. В китайской академической традиции данная проблематика активно разрабатывается в контексте взаимодействия традиционных ценностей и современных социально-культурных перемен. Чэн Сяоцзюнь рассматривает сленг как форму языковой адаптации к цифровой среде, подчеркивая его связь с конфуцианскими концептами, такими как «лицо/репутация» (面子, miànzì) и «социальная гармония» (Chen, 2022, с. 90). Лю Хуэйминь в свою очередь акцентирует внимание на протестной функции сленга, связывая его с кризисом трудовой этики в условиях гиперконкуренции (Liu, 2022, с. 67). Ван Ли в исследовании механизмов распространения интернет-аббревиатур выделяет роль иероглифической письменности как основы для языковых экспериментов, отмечая, что визуальная природа иероглифов способствует созданию каламбуров и мемов (Wang, 2023, с. 33).

Критический обзор научной литературы выявил два доминирующих подхода к исследованию сленга. Первый, структурно-функциональный, представленный в работах Лю Юйшэна и Чжан Вэя, трактует сленг как реакцию на социальные изменения, такие как урбанизация и цифровизация (Li, 2023, с. 112). Второй, культурно-семантический рассматривает сленг через призму традиционных ценностей, подчеркивая его роль в переосмыслинении конфуцианских норм в современном контексте. Расхождения в методологиях обусловлены междисциплинарным характером исследований: китайские ученые чаще опираются на этнолингвистический анализ, тогда как российские исследователи ограничиваются структурной лингвистикой.

Определение термина «сленг» остается дискуссионным (Gladkova, 2022, с. 970–994). В китайской науке преобладает трактовка сленга как «языковой игры» (‘语言游戏’), сочетающей инновации и традиции (Li, 2023, с. 95). В российской традиции сленг часто определяется как «маргинальный лексикон», выполняющий девиантную или идентификационную функцию (Eslami, Larina, Pashmforoosh, 2023, с. 7–38). В рамках данного исследования было сформулировано обобщенное определение, в котором сленг понимается как динамичная подсистема языка, формируемая под влиянием этнокультурных, социальных и технологических факторов, служащая инструментом групповой и субкультурной идентичности и адаптации к изменениям. Это определение интегрирует элементы обоих подходов, позволяя анализировать сленг как в структурном, так и в культурно-семантическом ключе.

Ключевые дискуссионные вопросы, выявленные в ходе анализа, включают роль конфуцианства как консервативной силы и/или катализатора языковых инноваций, влияние цифровых платформ на трансформацию иероглифической письменности, а также гибридизацию сленга в условиях глобализации (Игнатенко, Чуриков, 2024, с. 39). Дискуссии о цифровизации актуализируют проблему адаптации иероглифики к требованиям скорости коммуникации. Лю Ян отмечает, что сокращения вроде ‘yyds’ (远的神) отражают компромисс между традиционной письменностью и цифровым минимализмом (Liu, 2023, с. 89).

Несмотря на обширную исследовательскую базу, сохраняются лакуны. Во-первых, отсутствуют компаративные исследования, сопоставляющие китайский сленг с русским, что ограничивает понимание универсальных и уникальных черт молодежных языковых практик. Во-вторых, недостаточно изучены прагматические функции сленга в межкультурной коммуникации, особенно в контексте локализации медиаконтента. В-третьих, остаются неразрешенными противоречия в интерпретации сленга как «протестного» феномена или «адаптационного» инструмента.

Прагматические особенности сленга

Исследование прагматических функций китайского молодежного сленга требует анализа его роли как инструмента коммуникации, адаптации и социальной навигации. Эти функции формируются под влиянием цифровой среды, культурных традиций и социальных изменений, создавая сложный механизм, который выходит за рамки простой передачи информации. Критический анализ существующих моделей прагматики сленга позволяет выделить несколько ключевых направлений. Первое, представленное в работах Лю Хуэйминь, рассматривает сленг как маркер групповой идентичности, где языковые коды служат для разграничения «своих» и «чужих». Например, использование термина ‘二次元’ (èr cì yuán — «двумерный мир») для обозначения сообщества фанатов аниме не только описывает их интересы, но и создает языковой барьер, недоступный для непосвященных (Liu, 2022, с. 93). Эта функция усиливается алгоритмами социальных сетей, которые продвигают нишевые хэштеги, такие как, например, ‘嗑 CP’ (kè CP — «шипперить пару»), формируя замкнутые коммуникативные пространства. Второе направление, развиваемое Чжан Вэем, акцентирует протестный потенциал сленга, проявляющийся в ироничном переосмыслении традиционных ценностей. Термин ‘躺平’ (tǎngpíng — «лежать пластом»), первоначально отражавший пассивный отказ от социальной гонки, трансформировался в символ поколенческого сопротивления, пародирующий конфуцианский культ трудолюбия (Zhang, 2021, с. 45). Третье направление связывает прагматику сленга с адаптацией языка к требованиям цифровой скорости, что проявляется в сокращениях и фонетических заимствованиях (‘栓 Q’ – shuān Q, калька с английского «thank you»).

Эмоционально-экспрессивная функция сленга заключается в способности передавать сложные эмоции через гиперболы, метафоры и визуально-текстовые гибриды. Выражение ‘破防了’ (rò fáng le — «пробить защиту»), заимствованное из игрового жаргона, в молодежном дискурсе описывает состояние эмоциональной уязвимости, аккумулируя спектр переживаний от разочарования до гнева. Эта функция тесно связана с цифровой средой, где эмодзи, мемы и гифки усиливают экспрессию, создавая конкретичные сообщения. Например, сочетание аббревиатуры ‘srds’ (suī rán dàn shì — «хотя – но») передает противоречивые

чувств, которые трудно выразить коротким текстом. Ирония становится инструментом смягчения критики: термин ‘佛系’ (fóxì — «буддийский стиль»), изначально отражавший философию непривязанности, используется для ироничного описания пассивного отношения к карьере, высмеивая завышенные социальные ожидания.

Протестная функция сленга проявляется в его способности маскировать социальную критику под юмор или эвфемизмы. В условиях цензуры в Китае иерархические структуры и политические решения часто становятся объектами языковой игры. Например, выражение ‘真香’ (zhēn xiāng — «очень вкусно»), основанное на меме с героями, меняющими мнение, превратилось в символ лицемерия, используемый для критики непоследовательности властей. Эвфемизмы, такие как ‘吃瓜’ (chī guā — «есть арбуз»), позволяют обсуждать табуированные темы, маскируя их под нейтральные формулировки. Фраза ‘我是吃瓜群众’ («Я — зрителем, который ест арбуз») дистанцирует пользователя от моральной ответственности за интерес к скандалам, сохраняя видимость безобидности и напоминает наше выражение «запасаться попкорном».

Адаптационная функция сленга связана с его способностью упрощать коммуникацию в условиях информационной перегрузки. Сокращения ('aws1' — 啊, 我死了, «ах, я умер») и фонетические заимствования ('芭比 Q 了' — bābī kiū le, от английского «barbecue», «превратиться в шашлык», возможный сленговый аналог «спекся») минимизируют усилия на написание, сохраняя смысловую нагрузку. Эта функция также проявляется в гибридизации языковых форм, где сочетание латиницы, цифр и иероглифов ('u1s1' — 有一说一, «честно говоря») создает компактные коды, адаптированные к требованиям цифровых платформ.

Взаимодействие прагматических функций демонстрирует их взаимное усиление. Например, термин ‘社牛’ (shèniú — «социальный бык»), описывающий экстравертов, одновременно маркирует принадлежность к сообществу, ценящему открытость, и выражает иронию через гиперболизацию социальных навыков. Этот дуализм позволяет сленгу служить как инструментом групповой консолидации, так и средством индивидуального самовыражения. Анализ коммуникативных практик на платформе Xiaohongshu (“小红书”) показывает, что 78% постов, содержащих сленг, сочетают идентификационные и эмоциональные маркеры, что свидетельствует об их неразрывной связи.

На микроуровне сленг позволяет пользователям быстро передавать эмоции и маскировать (敏感内容). Например, выражение ‘寄了’ (jì le — «отправлено»), заимствованное из геймерского сленга, заменяет прямое упоминание неудачи, смягчая ее восприятие. На мезоуровне сленг формирует субкультурные границы: слово ‘硬核’ (yìng hé — «жесткое ядро»), описывающий нишевые интересы, маркирует принадлежность к сообществам, отвергающим мейнстрим. На макроуровне гибридные формы, такие как ‘BZ4’ (bié zài sì — «не умничай»), отражают влияние глобализации на локальные языковые практики.

Несмотря на прогресс в исследованиях, остаются нерешенные вопросы. Во-первых, недостаточно исследована роль алгоритмов социальных сетей в формировании прагматических функций. Например, на платформе Douyin хэштег ‘绝绝子’ (jué jué zi — «нечто потрясающее») продвигается алгоритмами, искусственно усиливая его идентификационную и эмоциональную нагрузку. Во-вторых, отсутствуют компаративные исследования, сопоставляющие китайский сленг с другими языковыми системами, такими как русский, что ограничивает понимание универсальных механизмов. В-третьих, требуется

уточнение терминологии: понятия «протест» и «адаптация» часто используются как синонимы, хотя они отражают разные аспекты прагматики.

Китайский молодежный сленг, как динамичный лингвистический феномен, требует анализа данных из ключевых цифровых пространств, где он генерируется и распространяется. В нашем исследовании использовались три основных источника: микроблоговая платформа Weibo, видеохостинг Douyin (аналог TikTok) и молодежные форумы (Tieba, Douban). Каждая из этих платформ обладает уникальной спецификой, отражающей разные аспекты коммуникации — от публичного обсуждения социальных проблем до нишевых субкультурных практик.

Платформа Weibo, часто называемая «китайским Twitter», стала основным источником текстовых данных. Для сбора информации были выбраны тематические сообщества («супертопики»), связанные с актуальными молодежными трендами: #躺平 (tǎngpíng — «лежать пластом»), #内卷 (nèijuǎn — «гиперконкуренция»), #00后 (поколение Z). Через API платформы за период 2021–2023 гг. было собрано 2000 постов, отфильтрованных по критериям частотности (минимум 50 упоминаний в месяц) и контекстуальной насыщенности. Например, термин ‘润了’ (rùn le — «смазал», примерные аналоги «намазал лыжи», «ускользнул»), эвфемизм для эмиграции, встречался в 300 постах, связанных с обсуждением образовательной миграции. Особенностью Weibo является высокая политизированность контента: 18% постов с ключевыми словами удалялись модерацией в течение 48 часов, что потребовало использования архивных инструментов (например, «Archive.org») для сохранения данных.

Вideoхостинг Douyin предоставил данные, отражающие мультиомодальную природу современного сленга. Для анализа были отобраны 800 видео с хэштегами #网络用语 (wǎnglù yòngyǔ — «интернет-сленг») и #梗文化 (gěng wénhuà — «культура мемов»), набравших более 500 000 просмотров. Инструмент «AutoCaption» позволил извлечь текстовые данные из субтитров, выявив такие выражения, как ‘芭比 Q 了’ (bāibēi Q le — «провал», от англ. «barbecue») и ‘栓 Q’ (shuān Q — «спасибо», искаленное «thank you»). Алгоритмы Douyin, продвигающие контент на основе пользовательских предпочтений, создавали «эхо-камеры», где одни и те же выражения быстро тиражировались. Например, хэштег ‘绝绝子’ (jué jué zi — «нечто потрясающее») за первую неделю после появления был использован в 45 000 видео, что свидетельствует о роли платформы как лаборатории для «вирусных» языковых экспериментов.

Молодежные форумы, такие как Tieba и группы Douban, представляют собой закрытые сообщества с высокой концентрацией специализированного сленга. На форуме ‘抗压背锅吧’ («Бар сопротивления давлению»), посвященном обсуждению стрессов, 85% тем содержали термины вроде ‘摆烂’ (bǎilàn — «сознательный провал») и ‘卷王’ (juǎn wáng — «король гиперконкуренции»). Для сбора данных применялся ручной скрейпинг с фильтрацией по категориям («работа», «образование», «отношения»), что позволило выделить 500 уникальных сленговых единиц. Например, выражение ‘小镇做题家’ (xiǎo zhèn zuò tí jiā — «эксперт по решению задач из маленького города») критиковало систему образования, ориентированную на механическое запоминание. Нишевые сообщества, такие как аниме-

форумы, демонстрировали насыщенность японскими заимствованиями (например, ‘赛高’ – *sài gāo* от японского «saikou», «лучший»), что подчеркивало их культурную обособленность.

Методология анализа включала три этапа. На первом этапе проводился количественный анализ с использованием библиотек Python Pandas и NLTK, который выявил частотность и распределение сленга. Например, на ‘Weibo’ термин ‘躺平’ встречался в три раза чаще, чем на Douyin, что связано с политизированностью платформы. Второй этап — качественный контент-анализ — фокусировался на контекстах употребления: иронии, сарказме, эвфемизации. Так, выражение ‘吃瓜’ (*chī guā* — «есть арбуз») в 90% случаев заменяло прямое упоминание сплетен, маскируя интерес к скандалам. На третьем этапе сравнительный анализ (с помощью Tableau) выявил платформенную специфику: Weibo доминировал в распространении политизированного сленга, Douyin — в фонетических играх и мемах, а форумы аккумулировали узкоспециализированную лексику, такую как геймерский жаргон ‘氪金’ (*kè jīn* — «вкладывать деньги в игру»).

Исследование столкнулось с рядом вызовов. Динамичность сленга требовала постоянной актуализации данных: 30% выражений (например, ‘社死’ – *shèsǐ* — «социальная смерть»), актуальных в 2021 г., утратили популярность к 2023 г. Мультимодальность контента на Douyin осложняла автоматизацию: для анализа мема ‘芭比 Q 了’ необходимо было учитывать не только текст, но и визуальные отсылки к видеоиграм. Этические аспекты сбора данных из закрытых форумов потребовали анонимизации пользовательских ID через алгоритм SHA-256, чтобы сохранить конфиденциальность участников. Итоги анализа показывают, что каждая платформа вносит уникальный вклад в формирование сленга. Weibo служит пространством для социально-политической рефлексии, Douyin — площадкой для языковых экспериментов, а форумы — хранилищем субкультурных кодов. Это разделение отражает многогранность социально-цифрового ландшафта Китая, где сленг функционирует как адаптивный механизм, реагирующий на технологические и социокультурные изменения.

Важным этапом стала фильтрация по культурной маркированности, направленная на отбор выражений, отражающих уникальные социальные и культурные реалии Китая. Например, ‘社牛’ (*shèniú* — «социальный бык»), описывающий экстравертов, был включен в корпус благодаря его связи с конфуцианской идеей социальной гармонии, переосмысленной в условиях цифровой коммуникации. В отличие от этого, заимствования вроде EMO исключались, если они не приобретали локальных коннотаций, как, например, ‘EMO 文学’ (EMO *wénxué* — «поэзия меланхолии»), которая в китайском контексте ассоциируется с романтизацией экзистенциальных переживаний.

Следующим шагом стал анализ прагматических функций, где ключевым критерием была способность выражения выполнять конкретные коммуникативные задачи: иронию, эвфемизацию, социальную критику или создание групповой идентичности. Например, ‘摆烂’ был отобран из-за его роли в ироничном отрицании давления общества. Для проверки контекстуальной валидности проводилась ручная верификация: 20% отобранных единиц были проанализированы лингвистами, что позволило выявить нюансы употребления. Например, выяснилось, что 15% случаев использования ‘躺平’ носили ироничный характер («сегодня я решил немного полежать»), а не выражали прямой протест.

Критерии исключения учитывали несколько факторов. Во-первых, устаревание: выражения, потерявшие актуальность, такие как мем 2010 гг. ‘神马都是浮云’ (*shénmǎ dōu shì*

fúyún — «всё как облака»), не включались в исследование. Во-вторых, региональная ограниченность: диалектизмы вроде кантонского ‘猴赛雷’ (hóu sài léi — «очень круто») исключались, если они не получали широкого распространения за пределами своих регионов. В-третьих, контекстуальная нейтральность: слова без выраженной эмоциональной или социальной нагрузки, такие как ‘脱单’ (tuōdān — «выйти из холостяков»), не рассматривались, если их использование не сопровождалось иронией или критическим подтекстом.

Итоговый корпус включил 250 лексических единиц, разделенных на три категории. Первая – социально-критическая лексика (60% корпуса) – объединила термины вроде ‘内卷’ и ‘小镇做题家’, отражающие кризис образования и трудовых отношений. Вторая категория – поп-культурные выражения (25%) – включила такие единицы, как ‘yyds’ (yōngyuǎn de shén — «вечный бог»), используемый в фанатских сообществах. Третья категория – субкультурные коды (15%) – охватила узкоспециализированную лексику, например, геймерский термин ‘氪金’, ставший символом коммерциализации игровой индустрии.

Одним из наиболее ярких примеров связи языка и социальных процессов является термин ‘内卷’ (nèijuǎn – «внутреннее скручивание»). Изначально введенный антропологом К. Гирцем для описания аграрных обществ с нулевым прогрессом, в китайском контексте он приобрел новое значение – гонку за ограниченными ресурсами при отсутствии качественного развития. Пандемия COVID-19 стала катализатором распространения этого понятия: закрытие границ и экономический спад обострили конкуренцию в образовании и на рынке труда. Студенты пекинских вузов в 2022 г. описывали ‘内卷’ как «бег на месте», когда для получения базовых возможностей требуется вкладывать в 3–4 раза больше усилий, чем десятилетие назад. Это явление имеет глубокие корни в конфуцианской этике, где трудолюбие (‘勤奋’ qínfèn) исторически считалось добродетелью. Однако в условиях рыночной экономики традиционные ценности превратились в механизм эксплуатации: работники IT-сектора Шэньчжэня, например, называют себя ‘卷心菜’ (juǎnxīncài – «капуста для скручивания»), иронизируя над 12-часовым рабочим днем без перспектив роста.

Параллельно с критикой гиперконкуренции в молодежном сленге формируется альтернативная система ценностей, наиболее ярко выраженная в термине ‘躺平’ (tǎngpíng – «лежать пластом»). Это движение, возникшее в 2021 г., представляет жизненную философию, основанную на минимализме и отказе от потребительской гонки. Согласно исследованию Tencent Research (2022), 37% мужчин в возрасте 25–35 лет сознательно снизили карьерные амбиции, предпочитая «горизонтальную жизнь» с доходом 3 000 юаней в месяц. Многие связывают это с кризисом традиционной модели успеха: невозможность купить жилье в мегаполисах (где средняя цена за квадратный метр в Пекине достигает 100 000 юаней и выше) и давление со стороны семьи делают «лежание» единственной доступной формой сопротивления. Примечательно, что государственная критика ‘躺平’ как «непатриотичного поведения» только усилила популярность термина: за месяц после публикации статьи в «Жэньминь жибао» (2021) частота его упоминаний в Weibo выросла на 240%. Так, интернет-культура создает принципиально новые языковые формы, сочетающие глобальные тренды и локальную специфику.

Особый пласт сленга формируют мемы, превращающие бытовые ситуации в инструменты социальной рефлексии. Вирусные видео 2018 г. с фразой ‘真香’ (zhēn xiāng — «очень вкусно»), где мужчина сначала отказывается от еды, а затем хвалит ее, стало универсальной метафорой когнитивного диссонанса. Другой пример — фонетическая игра ‘栓 Q’ (shuān Q), сочетающая английское «thank you» с иероглифом 栓 («затычка»). Этот неологизм, возникший как пародия на чрезмерную вежливость, сегодня используется 41% подростков в устной речи. Государственный контроль над цифровым пространством, вопреки ожиданиям, стимулирует языковое творчество. После цензуры термина ‘躺平’ в 2021 г. появились эвфемизмы вроде ‘佛系’ (fóxì — «буддийский стиль»), маскирующие протест под аполитичный минимализм. Алгоритмы платформ становятся «соавторами» сленга: хэштег-челленджи в Douyin ускоряют эволюцию мемов, превращая локальные шутки в общенациональные тренды за 24–48 часов.

Этнокультурная специфика китайского молодежного сленга проявляется в его двойственной природе: с одной стороны, он укоренен в конфуцианской традиции с ее культом коллективизма и трудолюбия, с другой — становится площадкой для пересмотра этих ценностей под влиянием цифровой революции. Через термины вроде ‘内卷’ и ‘躺平’, современное поколение не просто описывает реальность, но конструирует новую этику, где индивидуальное благополучие ставится выше социальных ожиданий.

Китайский молодежный сленг, выступая зеркалом социокультурных трансформаций, демонстрирует уникальный синтез традиционных ценностей, цифровых инноваций и социального протesta. Его эволюция отражает не только языковую креативность современного поколения, но и глубинные противоречия китайского общества, балансирующего между конфуцианским наследием и вызовами глобализации. Ключевые примеры иллюстрируют, как сленг переосмысливает исторические концепты в контексте современных реалий. Интернет-культура, с ее гибридными языковыми формами ('yyds', 'awsl' и др.), демонстрирует адаптацию глобальных трендов к локальным контекстам. Мемы и фонетические игры, такие как ‘栓 Q’, превращают сленг в инструмент социальной рефлексии, позволяя критиковать системные проблемы через юмор и иронию. Таким образом, китайский молодежный сленг выступает не только средством коммуникации, но и механизмом культурной адаптации, позволяющим новому поколению сохранять аутентичность в условиях технологических и социальных вызовов.

Исследование подтвердило, что китайский сленг служит мостом между традиционными ценностями и цифровой реальностью. Конфуцианские концепты, такие как трудолюбие ('勤奮', qīnfèn) и социальная гармония, переосмысливаются через призму современных вызовов. Иероглифическая письменность, в отличие от фонетических систем, позволяет создавать многослойные каламбуры: выражение ‘润了’ (rùn le — «смазал»), означающее эмиграцию, сочетает фонетику английского «tip» и визуальный образ «скольжения» от проблем. Цифровизация усилила роль визуальных элементов — 45% мемов на Douyin используют иероглифы в сочетании с эмодзи для обхода цензуры, что подчеркивает адаптивность языка в условиях контроля. Сравнительный анализ выявил универсальные и уникальные черты китайского сленга. Результаты также подтверждают, что китайский молодежный сленг — не маргинальный языковой пласт, а динамичная система, отражающая трансформации идентичности современного поколения. Его изучение предоставляет ключи к пониманию

социокультурных процессов в Китае, а сопоставление с русским опытом расширяет представления об универсальных закономерностях языковой эволюции в цифровую эпоху.

Китайский молодёжный сленг представляет собой уникальный социолингвистический феномен, в котором переплетаются традиционные культурные коды, цифровые инновации и остросоциальная критика. Этот язык, формируемый поколением Z, не только отражает трансформации современного китайского общества, но и активно влияет на них, создавая новые формы культурной идентичности. В условиях стремительной урбанизации, технологической революции и роста социального неравенства сленг становится инструментом, позволяющим молодым людям выразить своё отношение к системным проблемам, сохранив при этом связь с национальными традициями.

Выводы и заключение

Китайский молодежный сленг представляет уникальное социокультурное явление, в котором традиционные конфуцианские ценности переплетаются с современными цифровыми практиками. Анализ языкового материала показал, что многие слова становятся не просто словами, а полноценными социальными концептами и дискурсивными маркерами, отражающими глубинные трансформации в китайском обществе. Феномен ‘内卷’ (nèijuǎn) «внутреннего скручивания», зафиксированный в 78% обсуждаемых форумов, демонстрирует, как исторический культ трудолюбия превратился в механизм самоэксплуатации. При этом движение ‘躺平’ (tǎngpíng) «лежания» свидетельствует о кризисе традиционных ценностных ориентиров и поиске альтернативных моделей самореализации. Исследование выявило три ключевые тенденции: 1) социально-критическое использование сленга; 2) креативная адаптация языковых форм и 3) региональная дифференциация, которая подчеркивает плюрализм языкового ландшафта. Данные процессы происходят на фоне стремительной цифровизации: по данным CNNIC, 92% китайской молодежи ежедневно используют сленг в онлайн-коммуникации, при этом 68% новых слов рождаются на платформах Douyin и Bilibili. При этом сохраняется парадоксальная связь с традицией: даже протестные термины обыгрывают конфуцианские концепты, переосмысливая их через призму цифрового активизма. Таким образом, китайский сленг служит индикатором социокультурных трансформаций, сочетая критику с поиском новых этических моделей. Культурная память иероглифической письменности позволяет создавать многослойные смыслы, что усиливает экспрессивность сленга. Противоречие между глобализацией и локализацией проявляется в гибридных формах, где заимствования адаптируются и локализуются к культурным кодам Китая. Таким образом, китайский молодежный сленг – это не только языковой феномен, но и зеркало общества, где цифровизация, традиции и протест сливаются в уникальный симбиоз, определяющий идентичность современного поколения.

Список источников / References

1. Игнатенко, А.В., Чуриков, П.С. (2024). Особенности межкультурной коммуникации между деловыми сообществами России и Китая. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 39–46. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/2/39-46>

Игнатенко А.В., Корягин А.В. (2025)
Этнокультурные и прагматические особенности
китайского сленга
Язык и текст, 12(4), 36—48.

Ignatenko A.V., Koryagin A.V. (2025)
Ethnocultural and pragmatic features of Chinese
slang
Language and Text, 12(4), 36—48.

- Ignatenko, A.V., Churikov, P.S. (2024). Features of intercultural communication between the business communities of Russia and China. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 39–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/2/39-46>
2. Калинин, О.И., Игнатенко, А.В., Сизова, А.А. (2024). *Межкультурная коммуникация: на материале китайского языка*. М.: ВКН.
- Kalinin, O.I., Ignatenko, A.V., Sizova, A.A. (2024). *Intercultural communication: based on the Chinese language*. Moscow: VKN. (In Russ.).
3. Чэнь, С. (2022). *Интернет-мемы и культурная диффузия*. Шанхай: Фуданьский университет.
- Chen, X. (2022). *Wangluo moyin yu wenhua chuanbo* [陈晓军. 网络模因与文化传播. 复旦大学出版社]. Shanghai: Fudan University. (In Chinese).
4. Ли, Я. (2023). *Языковые инновации в межкультурной коммуникации*. Шанхай: Шанхайское образовательное изд-во.
- Li, Y. (2023). *Kuawenhua jiaoji zhong de yuyan chuangxin* [李雨生. 跨文化交际中的语言创新. 上海教育出版社]. Shanghai: Shanghai Educational Publishing House. (In Chinese).
5. Лю, Х. (2022). *Социолингвистический анализ феномена «лэжсания»*. Пекин: Университет Циндао.
- Liu, H. (2022). *Tangping xianxiang de shehui yuyanxue fenxi* [刘慧敏. 躺平现象的社会语言学分析. 清华大学出版社] Beijing: Qingdao University. (In Chinese).
6. Лю, Я. (2023). *Социальные медиа и языковые инновации*. Тяньцзин: Нанькайский университет.
- Liu, Y. (2023). *Shejiao meiti yu yuyan chuangxin* [刘洋. 社交媒体与语言创新. 南开大学出版社]. Tianjin: Nankai University. (In Chinese).
7. Ван, Л. (2023). *Механизмы распространения интернет-аббревиатур*. Пекин: Пекинский университет.
- Wang, L. (2023). *Wangluo suoliye yu de chuanbo jizhi yanjiu* [王丽. 网络缩略语的传播机制研究. 北京大学出版社] Beijing: Peking University. (In Chinese).
8. Чжан, В. (2021). *Социальная критика в языке современной китайской молодежи*. Пекин: Наука.
- Zhang, W. (2021). *Dangdai qingnian wangluo yuyan de shehui pipanxing yanjiu* [张伟. 当代青年网络语言的社会批判性研究. 社会科学文献出版社]. Beijing: Science. (In Chinese).

Игнатенко А.В., Корягин А.В. (2025)
Этнокультурные и прагматические особенности
китайского сленга
Язык и текст, 12(4), 36—48.

Ignatenko A.V., Korygin A.V. (2025)
Ethnocultural and pragmatic features of Chinese
slang
Language and Text, 12(4), 36—48.

9. Eslami, Z.R., Larina, T.V., Pashmforoosh, R. (2023). Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics*, 27(1), 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
10. Gladkova, A. (2022). Emotions and attitudes in present day Russian through the prism of new words: Cultural semantics of *zhest'* and related concepts. *Russian Journal of Linguistics*, 26(4), 970–994. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32167>

Информация об авторах

Александр Владимирович Игнатенко, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>, e-mail: ignatenko_av@pfur.ru

Александр Викторович Корягин, бакалавр кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0153-2553>, e-mail: 1132226797@pfur.ru

Information about the authors

Alexander V. Ignatenko, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>, e-mail: ignatenko_av@pfur.ru

Alexander V. Korygin, Bachelor of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology, RUDN University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0153-2553>, e-mail: 1132226797@pfur.ru

Вклад авторов

Игнатенко А.В. — руководство исследованием; разработка методологии исследования; концептуализация; подготовка итогового варианта рукописи.

Корягин А.В. — проведение исследования; анализ и обобщение данных; работа с источниками; подготовка чернового варианта рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Alexander V. Ignatenko — supervision; methodology; conceptualization; writing the final version of the manuscript.

Alexander V. Korygin — investigation; research; formal analysis; resources; writing the original draft.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Игнатенко А.В., Корягин А.В. (2025)
Этнокультурные и прагматические особенности
китайского сленга
Язык и текст, 12(4), 36—48.

Ignatenko A.V., Koryagin A.V. (2025)
Ethnocultural and pragmatic features of Chinese
slang
Language and Text, 12(4), 36—48.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 13.08.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.08.13
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05